

УДК 37

DOI: 10.34670/AR.2026.87.55.042

Реабилитационная роль пенитенциарного образования: зарубежный опыт

Слабкая Диана Николаевна

Старший научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15-а;
e-mail: sdn10.70@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается фундаментальная дилемма, лежащая в основе педагогических практик в пенитенциарной системе: является ли творческая деятельность инструментом адаптации осужденным к условиям изоляции или же путем к их личностной трансформации. Анализируется исторически сложившееся противоречие между инструментальным подходом к обучению, ориентированным на формирование базовых компетенций и поддержание порядка, и пенитенциарной педагогикой, целью которой является развитие критического мышления и внутренней свободы. На основе анализа современных арт-практик и международного опыта демонстрируется многогранность воздействия искусства в местах лишения свободы: от компенсаторной функции и психологической адаптации до катализа глубинных личностных изменений и социальной реинтеграции. Делается вывод о том, что реабилитационный потенциал творческой деятельности раскрывается только при условии сохранения его признания субъектности осужденных.

Для цитирования в научных исследованиях

Слабкая Д.Н. Реабилитационная роль пенитенциарного образования: зарубежный опыт // Педагогический журнал. 2026. Т. 16. № 1А. С. 365-371. DOI: 10.34670/AR.2026.87.55.042

Ключевые слова

Пенитенциарная педагогика; творческая деятельность; реабилитационный потенциал; эмансипация; социальная адаптация; лица, лишённые свободы; ресоциализация; арт-терапия; критическое мышление; социальная идентичность; пенитенциарная система; творчество.

Введение

В дискурсе о реформировании пенитенциарных систем одно из центральных мест занимает вопрос о роли образования в процессе ресоциализации осужденных. Лица, лишённые свободы, традиционно относятся к наиболее уязвимым и маргинализированным группам населения, что предъявляет особые требования к педагогическим стратегиям, применяемым в условиях социальной изоляции. На протяжении десятилетий в этой сфере доминировала модель, сводящая образовательный процесс к инструментальной повестке: формированию базовых, ключевых и профессиональных компетенций, необходимых для успешного трудоустройства и законопослушного поведения после освобождения. Однако в последние два десятилетия все более отчетливо заявляет о себе альтернативный подход, в котором значимая роль отводится творчеству и культурологическим методикам обучения как движущей силе личностной трансформации.

В условиях переполненности исправительных учреждений, обострения проблем психического здоровья среди осужденных и поиска эффективных стратегий снижения рецидивной преступности, вопрос о глубинной функции «художественного» образования приобретает особую актуальность. Является ли оно лишь инструментом «смягчения» уголовно-исполнительного заключения, помогая осужденным адаптироваться к суровым условиям и стать более управляемыми... Или же искусство способно выполнять более амбициозную задачу, становясь путем к подлинному освобождению сознания, развитию критической рефлексии и обретению внутренней свободы, необходимой для сознательного изменения жизненной траектории...

Основное содержание

В основе дискуссии о реабилитационном потенциале искусства лежит фундаментальное противоречие между двумя конкурирующими педагогическими моделями.

Первая модель, условно обозначаемая как модель «адаптации», рассматривает образовательные программы как элемент системы управления и поддержания дисциплины [Заруба, 2012]. В рамках этой концепции цель обучения сводится к тому, чтобы сделать осужденным более предсказуемыми, управляемыми и подготовленными к некритичному принятию предписанных социальных ролей. Образование здесь выступает инструментом социального контроля, а его успешность измеряется такими показателями, как снижение количества нарушений режима или улучшение статистики последующего трудоустройства, зачастую на низкоквалифицированные позиции.

Вторая модель, концептуально сформированная в традициях эмансипаторной теории, представляет образование как процесс «просвещения» в широком смысле слова. Она ориентирована на осознание индивидом своего положения в обществе, развитие способности к критическому анализу собственной жизни и социальных структур, а также на обретение внутренней автономии [Бутов, 2019]. Образование здесь понимается как процесс гуманизации, способствующий раскрытию внутреннего потенциала человека и формированию у него навыков самостоятельного и ответственного выбора.

Пенитенциарное образование в контексте художественного творчества занимает уникальное положение. С одной стороны, оно обладает естественным потенциалом для спонтанного, рефлексивного и глубоко личностного обучения, позволяя человеку выйти за пределы стигмы «осужденного» и соприкоснуться с общечеловеческими ценностями. С другой

стороны, именно этот потенциал делает его уязвимым для присвоения и редукции со стороны системы. Творчество может поощряться лишь до тех пор, пока оно способствует психологической разрядке и поддержанию стабильной обстановки в учреждении, но подавляться или обесцениваться, как только начинает ставить под сомнение основы пенитенциарной системы или порождать нежелательные с точки зрения администрации формы самовыражения.

Пенитенциарная среда по определению является пространством наказания, депривации и исключения из нормальной социальной жизни. Хронический стресс, подавление эмоций и постоянное ощущение психологического давления - неотъемлемые черты повседневности в местах лишения свободы [Пономарев, Бурт, 2025]. В этих условиях искусство способно выполнять важную компенсаторную и терапевтическую функцию. Рисование, музыка, письмо или театральные упражнения предоставляют возможность для релаксации, обретения временного внутреннего равновесия.

Занятия творчеством помогают лицам, лишенным свободы совладать с ежедневными стрессовыми нагрузками, оказывая комплексное воздействие на аффективную и когнитивную сферы. Они позволяют выразить подавленные эмоции (гнев, страх, печаль) в социально приемлемой и безопасной форме, структурировать внутренний хаос и обрести чувство контроля хотя бы над небольшой частью своей жизни – листом бумаги, музыкальным инструментом или собственным телом в сценическом пространстве. С этой точки зрения, художественная деятельность выступает как форма психологической самопомощи и адаптации к экстремальным условиям существования, что, на первый взгляд, полностью соответствует инструментальной модели «приспособления» [Слабкая, 2026].

Однако более глубокий анализ показывает, что граница между простой адаптацией и подлинной эмансипацией в творческом опыте часто оказывается размытой. Даже компенсаторный, «адаптационный» эффект искусства может содержать в себе семена будущих глубинных изменений. Когда человек находит в творчестве ресурс для выживания, он тем самым уже совершает акт внутреннего сопротивления обезличивающей системе, подтверждая ценность собственного «Я».

Наиболее ярко эмансипаторный потенциал искусства раскрывается в контексте совместных, коллективных проектов. Групповые занятия живописью, создание театрального спектакля или музыкального ансамбля формируют уникальное коммуникативное пространство отличающееся от пенитенциарной коммуникации [Самсонова, 2013]. В этом пространстве разрушаются стигматизирующие стереотипы, а чувство принятия и принадлежности формируется не на основе криминального прошлого, а через общее творчество и вклад в общее дело. Участник перестает быть только «осужденным», он становится художником, актером, музыкантом – носителем определенной компетенции и таланта [Clements, P., 2004].

Такой опыт напрямую связан с преодолением состояния социальной исключенности. Совместные проекты, особенно те, которые предполагают взаимодействие с внешним миром (выставки, спектакли для публики). Они позволяют лицам, отбывающим наказание увидеть себя в ином, не криминальном контексте, а внешним участникам – преодолеть упрощенные стереотипы в восприятии осужденных. Диалог, опосредованный искусством, становится актом социальной реинтеграции, совершающимся задолго до освобождения из мест лишения свободы. Это уже не адаптация к исправительному учреждению, а восстановление утраченных связей с миром и обретение новой социальной идентичности [Tucker, S., 2023].

Более того, современные подходы, основанные на принципах учета психологической травмы и человекоцентричности, нацелены на использование искусства как катализатора

глубинных личностных изменений. Использование техник форум-театра или драматерапии позволяет участникам исследовать сложные жизненные ситуации, моделировать конфликты и искать альтернативные пути их разрешения. Это способствует развитию рефлексии, эмоционального интеллекта, эмпатии и коммуникативных навыков – качеств, необходимых для самостоятельного и ответственного жизненного выбора. В этом контексте искусство выступает средством переосмысления себя, своей биографии и отношений с миром [<https://www.ovidds.com>]. Оно не приспособливает человека к существующему порядку, а дает ему инструменты для его критического анализа и для построения собственной, осознанной жизненной стратегии.

Значимым аспектом становится и отношение к результату творческого труда. Получение официального признания, будь то сертификат об окончании курсов, публичное поощрение, награда или включение работ в выставку, оказывает мощное воздействие на самооценку. Для многих людей, имевших негативный опыт в традиционной системе образования (неудачи, ярлык «неспособного»), это становится первым опытом признания их успеха и компетентности. Подобные траектории – от первоначального нежелания участвовать до возвращения в программу уже в качестве наставника для новичков – наглядно демонстрируют путь от пассивной адаптации к обретению новой, просоциальной идентичности, основанной на мастерстве и служении.

Отдельного внимания заслуживает роль искусства в процессах культурной и нравственной преемственности. Обучение традиционным художественным практикам (иконопись, народные ремесла, каллиграфия) помогает лицам, отбывающим наказание обрести внутреннее спокойствие, развить терпение, усидчивость и сосредоточенность. Освоение канона требует дисциплины и уважения к традиции, что само по себе обладает воспитательным эффектом. В этом процессе каждый элемент изображения или изделия становится не просто техническим приемом, но инструментом внутреннего диалога и способом выражения надежды на будущее.

Традиционное искусство выступает носителем этических и эстетических норм, накопленных поколениями. Приобщение к нему способствует переосмыслению собственной личности через включение в более широкий культурный и исторический контекст. Это созвучно идее эмансипации, но эмансипации не столько социально-политической, сколько экзистенциальной и нравственной. Человек освобождается от узости исключительно криминальной субкультуры, приобщаясь к ценностям, выходящим за ее пределы, и открывая для себя новые измерения человеческого бытия – красоту, гармонию, мастерство [<https://warwick.ac.uk>].

Несмотря на очевидный многогранный потенциал искусства, фундаментальное напряжение между парадигмами «адаптации» и «просвещения» не только сохраняется, но и усиливается под влиянием институциональных факторов. Современная пенитенциарная система, оставаясь глубоко бюрократизированной и ориентированной на количественные показатели эффективности, оказывает давление на все программы, включая художественные. Администрации пенитенциарных учреждений и финансирующие органы требуют измеримых результатов, которые можно легко представить в отчетах: снижение числа нарушений режима, уменьшение уровня агрессии, рост процента трудоустроившихся после освобождения.

Такие положительные эффекты действительно часто сопутствуют качественным художественным программам, сведение ценности искусства исключительно к этим показателям несет в себе риск. Финансирование и институциональная поддержка чаще предоставляются тем проектам, которые обещают быстрый и осязаемый вклад в безопасность учреждения или формальные показатели ресоциализации, а не тем, которые ориентированы на долгосрочное и

трудноизмеримое «просвещение» – развитие критического мышления, внутренней свободы или эстетического вкуса.

Заключение

Искусство в пенитенциарной системе служит инструментом адаптации, помогая осужденному компенсировать дефицит положительных эмоций и давая возможность для «релаксации». Одновременно с этим, оно способно становиться пространством творческой свободы, где происходит развитие критического мышления, восстанавливается связь с обществом и обретается новая, более целостная идентичность [Волкова, 2006].

Современное понимание реабилитации заключается в том, что в общество невозможно без внутренней работы, переосмысления жизненных ценностей и развития способности к автономному и ответственному поведению. Искусство, с его уникальной способностью обращаться одновременно к эмоциям, разуму и творческому началу, обладает огромным потенциалом для стимулирования ...

Ключевой вызов сегодня заключается в том, чтобы сохранить и защитить в пенитенциарном образовании концептуальные основы творческой деятельности. Это требует признания субъектности самих осужденных в определении целей и форм творческой деятельности, а также понимания того, что ценность искусства не может быть полностью измерена количественными показателями.

Библиография

1. Бутов, А. Ю. Традиционная модель образования и вызовы современной эпохи / А. Ю. Бутов // Традиционное прикладное искусство и образование. – 2019. – № 3(30). – С. 72-90. – DOI 10.24411/2619-1504-2019-00050. – EDN CXHJGF.
2. Волкова, О. В. Социальная реабилитация как направление социальной работы / О. В. Волкова // Психолого-педагогический журнал Гаудеамус. – 2006. – Т. 2, № 10. – С. 171-177. – EDN MRXZON.
3. Заруба, Н. А. Адаптивный подход в управлении образованием: принципы управления / Н. А. Заруба // Профессиональное образование в России и за рубежом. – 2012. – № 2(6). – С. 75-79. – EDN OYJEXF.
4. Пономарёв С. Б., Бурт А. А. Синдром тюремной депривации (биологический, социальный и философский аспекты) // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2025. № 1. С. 58–63. <https://www.doi.org/10.51522/2307-0382-2025-272-1-58-63>.
5. Пономарев, П. А. Социальное служение РПЦ как направление социальной реабилитации дезадаптированных лиц / П. А. Пономарев, А. Р. Колесникова // Аллея науки. – 2017. – Т. 4, № 10. – С. 204-207. – EDN ZBLMLT.
6. Режапова, И. М. Роль пенитенциарного образования в последующей ресоциализации осужденных (опыт зарубежных стран) / И. М. Режапова // Теория и практика социогуманитарных наук. – 2021. – № 1(13). – С. 47-52.
7. Самсонова, Г. О. Музыкальная психотерапия в комплексе реабилитационных технологий: опыт применения в отечественной и зарубежной практике / Г. О. Самсонова // Вестник восстановительной медицины. – 2013. – № 1(53). – С. 31-37. – EDN PUCBBL.
8. Скаков, А. Б. Зарубежный опыт организации и функционирования пенитенциарных систем и обеспечения в них пенитенциарной безопасности / А. Б. Скаков, Д. С. Иконников // Актуальные вопросы обеспечения безопасности уголовно-исполнительной системы : Материалы Межвузовского круглого стола с международным участием, Псков, 02 декабря 2022 года. – Псков: Псковский филиал Академии ФСИН России, 2022. – С. 100-107. – EDN EIEVQW.
9. Слабкая Д.Н. Культурологические методики в пенитенциарной системе зарубежных стран: типология, целевые ориентиры и реабилитационный потенциал // Культура и цивилизация. 2026. Том 16. № 1-1. DOI: 10.34670/AR.2026.57.63.020
10. Черезова, М. А. Пенитенциарный этап ресоциализации осужденных к лишению свободы: российский и зарубежный опыт / М. А. Черезова // IV международный пенитенциарный форум "преступление, наказание, исправление" : Материалы международных научно-практических конференций и круглых столов, к 140-летию уголовно-исполнительной системы России и 85-летию Академии ФСИН России. В 10 т., Рязань, 20–22 ноября 2019 года. Том 4. – Рязань: Академия ФСИН России, 2019. – С. 351-357. – EDN VNGHGU.

11. Expanding the IDEA: Ongoing- and Evolving-Evaluation of an Art Therapy in Prisons Program [Электронный ресурс] // ovidds.com : [сайт]. – URL: <https://www.ovidds.com/> (дата обращения: 24.12.2025).
12. Captive Arts [Электронный ресурс] // University of Warwick : [сайт]. – 2025. – 15 мая. – URL: <https://warwick.ac.uk/> (дата обращения: 25.12.2025).
13. Clements, P. The Rehabilitative Role of Arts Education in Prison: Accommodation or Enlightenment? / P. Clements // International Journal of Art and Design Education. – 2004. – May. – URL: <https://www.semanticscholar.org/> (дата обращения: 09.01.2026).
14. Tucker, S. Art Therapy in Australian Prisons: A Research Agenda / S. Tucker [et al.] // International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology. – 2023. – 7 May. – URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/> (дата обращения: 24.12.2025).
15. An opportunity to find oneself at the end of a paintbrush: Exploration of an artist-led prison intervention model bringing people from prison and local community together // Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts. – 2024. – Vol. 18, No. 1 (February). – P. 3–13. – DOI: 10.1037/aca0000589. – URL: <https://informationforpractice.org/> (дата обращения: 09.01.2026).
16. From prison cells to self-expression: how ASDAN and Odd Arts are changing lives through creative learning [Электронный ресурс] // ASDAN Website : [сайт]. – 2025. – 5 ноября. – URL: <https://www.asdan.org.uk/>
17. Artist teacher and fine art education support activities in prison [Электронный ресурс] // Univerza v Ljubljani : [сайт]. – URL: <https://www.uni-lj.si/> (дата обращения: 09.01.2026).
18. From Conviction to Creation: An Investigation into Arts Programming in Carceral Environments [Электронный ресурс] // Princeton Dataspace : [сайт]. – 2024. – 17 апреля. – URL: <https://dataspace.princeton.edu/> (дата обращения: 09.01.2026)

The Rehabilitative Role of Penitentiary Education: Foreign Experience

Diana N. Slabkaya

Senior Researcher,
Scientific-Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
125130, 15-a, Narvskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: sdn10.70@mail.ru

Abstract

The article examines the fundamental dilemma underlying pedagogical practices in the penitentiary system: whether creative activity is a tool for adapting convicts to the conditions of isolation or a path towards their personal transformation. The historically established contradiction between the instrumental approach to education, focused on forming basic competencies and maintaining order, and penitentiary pedagogy, whose goal is the development of critical thinking and inner freedom, is analyzed. Based on an analysis of contemporary art practices and international experience, the multifaceted impact of art in places of detention is demonstrated: from compensatory function and psychological adaptation to a catalyst for profound personal changes and social reintegration. It is concluded that the rehabilitative potential of creative activity is revealed only under the condition of preserving the recognition of the convicts' agency.

For citation

Slabkaya D.N. (2026) Reabilitatsionnaya rol' penitentsiarnogo obrazovaniya: zarubezhnyy opyt [The Rehabilitative Role of Penitentiary Education: Foreign Experience]. *Pedagogicheskii zhurnal* [Pedagogical Journal], 16 (1A), pp. 365-371. DOI: 10.34670/AR.2026.87.55.042

Slabkaya D.N.

Keywords

Penitentiary pedagogy; creative activity; rehabilitative potential; emancipation; social adaptation; persons deprived of liberty; resocialization; art therapy; critical thinking; social identity; penitentiary system; creativity.

References

1. Butov, A. Yu. Tradicionnaya model' obrazovaniya i vyzovy sovremennojepohi / A. Yu. Butov // Tradicionnoe prikladnoe iskusstvo i obrazovanie. – 2019. – № 3(30). – S. 72-90. – DOI 10.24411/2619-1504-2019-00050. – EDN CXHJGF.
2. Volkova, O. V. Social'naya reabilitaciya kak napravlenie social'noj raboty / O. V. Volkova // Psihologo-pedagogicheskij zhurnal Gaudeamus. – 2006. – T. 2, № 10. – S. 171-177. – EDN MRXZON.
3. Zaruba, N. A. Adaptivnyj podhod v upravlenii obrazovaniem: principy upravleniya / N. A. Zaruba // Professional'noe obrazovanie v Rossii i za rubezhom. – 2012. – № 2(6). – S. 75-79. – EDN OYJEXF.
4. Ponomaryov S. B., Burt A. A. Sindrom tyuremnoj deprivacii (biologicheskij, social'nyj i filosofskij aspekty) // Vedomosti ugovolno-ispolnitel'noj sistemy. 2025. № 1. S. 58–63. <https://www.doi.org/10.51522/2307-0382-2025-272-1-58-63>.
5. Ponomarev, P. A. Social'noe sluzhenie RPC kak napravlenie social'noj reabilitacii dezadaptirovannyh lic / P. A. Ponomarev, A. R. Kolesnikova // Alleya nauki. – 2017. – T. 4, № 10. – S. 204-207. – EDN ZBLMLT.
6. Rezhapova, I. M. Rol' penitencijarnogo obrazovaniya v posleduyushchej resocializacii osuzhdennyh (opyt zarubezhnyh stran) / I. M. Rezhapova // Teoriya i praktika sociogumanitarnyh nauk. – 2021. – № 1(13). – S. 47-52.
7. Samsonova, G. O. Muzykal'naya psihoterapiya v komplekse reabilitacionnyh tekhnologij: opyt primeneniya v otechestvennoj zarubezhnoj praktike / G. O. Samsonova // Vestnik vosstanovitel'noj mediciny. – 2013. – № 1(53). – S. 31-37. – EDN PYCBBL.
8. Skakov, A. B. Zarubezhnyj opyt organizacii i funkcionirovaniya penitencijarnyh sistem i obespecheniya v nih penitencijarnoj bezopasnosti / A. B. Skakov, D. S. Ikonnikov // Aktual'nye voprosy obespecheniya bezopasnosti ugovolno-ispolnitel'noj sistemy : Materialy Mezhvuzovskogo kruglogo stola s mezhdunarodnym uchastiem, Pskov, 02 dekabrya 2022 goda. – Pskov: Pskovskij filial Akademii FSIN Rossii, 2022. – S. 100-107. – EDN EIEVQW.
9. Slabkaya D.N. Kul'turologicheskie metodiki v penitencijarnoj sisteme zarubezhnyh stran: tipologiya, celevye orientiry i reabilitacionnyj potencial // Kul'tura i civilizaciya. 2026. Tom 16. № 1-1. DOI: 10.34670/AR.2026.57.63.020
10. Cherezova, M. A. Penitencijarnyj etap resocializacii osuzhdennyh k lisheniyu svobody: rossijskij i zarubezhnyj opyt / M. A. Cherezova // IV mezhdunarodnyj penitencijarnyj forum "prestuplenie, nakazanie, ispravlenie" : Materialy mezhdunarodnyh nauchno-prakticheskikh konferencij i kruglyh stolov, k 140-letiyu ugovolno-ispolnitel'noj sistemy Rossii i 85-letiyu Akademii FSIN Rossii. V 10 t., Ryazan', 20–22 noyabrya 2019 goda. Tom 4. – Ryazan': Akademiya FSIN Rossii, 2019. – S. 351-357. – EDN VNGHGU.
11. Expanding the IDEA: Ongoing- and Evolving-Evaluation of an Art Therapy in Prisons Program [Elektronnyj resurs] // ovidds.com : [sajt]. – URL: <https://www.ovidds.com/> (data obrashcheniya: 24.12.2025).
12. Captive Arts [Elektronnyj resurs] // University of Warwick : [sajt]. – 2025. – 15 maya. – URL: <https://warwick.ac.uk/> (data obrashcheniya: 25.12.2025).
13. Clements, P. The Rehabilitative Role of Arts Education in Prison: Accommodation or Enlightenment? / P. Clements // International Journal of Art and Design Education. – 2004. – May. – URL: <https://www.semanticscholar.org/> (data obrashcheniya: 09.01.2026).
14. Tucker, S. Art Therapy in Australian Prisons: A Research Agenda / S. Tucker [et al.] // International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology. – 2023. – 7 May. – URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/> (data obrashcheniya: 24.12.2025).
15. An opportunity to find oneself at the end of a paintbrush: Exploration of an artist-led prison intervention model bringing people from prison and local community together // Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts. – 2024. – Vol. 18, No. 1 (February). – P. 3–13. – DOI: 10.1037/aca0000589. – URL: <https://informationforpractice.org/> (data obrashcheniya: 09.01.2026).
16. From prison cells to self-expression: how ASDAN and Odd Arts are changing lives through creative learning [Elektronnyj resurs] // ASDAN Website : [sajt]. – 2025. – 5 noyabrya. – URL: <https://www.asdan.org.uk/>
17. Artist teacher and fine art education support activities in prison [Elektronnyj resurs] // Univerza v Ljubljani : [sajt]. – URL: <https://www.uni-lj.si/> (data obrashcheniya: 09.01.2026).
18. From Conviction to Creation: An Investigation into Arts Programming in Carceral Environments [Elektronnyj resurs] // Princeton Dataspace : [sajt]. – 2024. – 17 aprelya. – URL: <https://dataspace.princeton.edu/> (data obrashcheniya: 09.01.2026)